

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Движеніе на Востокъ — Взятіе Казани.

I. Остатки Монгольскаго царства.—II. Войско Ивана.—III. Взятіе Казани.—IV. Послѣдствія завоеванія Казани.—V. Взятіе Астрахани.—VI. Казаки.—VII. Крымъ и Ливонія.

I.

Остатки Монгольскаго царства.

При вступленіи Ивана IV на престолъ, татарское иго было не болѣе, какъ тяжелымъ воспоминаніемъ. Великое царство Монголовъ уже распалось; его обломки были захвачены новыми завоевателями. На западной и южной границѣ еще существовали остатки Золотой Орды. Здѣсь—въ Казани, Астрахани и Крымскихъ степяхъ живы еще почти независимыя ханства или царства, примыкающія къ рубежу Московской державы. Отступая въ Азіатскія степи, Монгольское море оставляло за собою какъ бы небольшія озера. Ихъ поверхность постоянно волнуется: ихъ зыбь принимаетъ иногда угрожающій характеръ; но сила ихъ все болѣе и болѣе убываетъ. Теперь нѣтъ уже ни пяди русской земли, которая осталась бы во власти татаръ. Какъ сказано выше, напоръ татарской силы никогда не имѣлъ на Руси стихійнаго могущества океана. Теперь начинаютъ дѣлать свое дѣло русская колонизація и политика завоеваній. Онѣ переходятъ въ наступленіе и съ каждымъ годомъ, едва ли не днемъ, продвигаясь въ область минувшаго нашествія, все глубже и глубже проникаютъ въ материкъ финно-татарскаго населенія. Медленно, но вѣрно московскіе государи расширяютъ свою область. Къ пріобрѣтеннымъ землямъ они присоединяютъ все болѣе и болѣе пространныя сферы своего вліянія. Раньше они были подвластны татарамъ; теперь они сами стали покровителями ближайшихъ ханствъ,—такъ что, напримѣръ, въ Казани, ханъ Сафа-Гирей сдѣлался ихъ данникомъ.

Однако, въ Крыму татары образовали новый центръ своего господства. Здѣсь они создали болѣе сильную военную и политическую организацію, основанную на стародавнихъ началахъ. Благодаря этому имъ удалось объединить подъ свою власть сосѣднія ханства и порвать тѣ узы, которыя уже подчиняли ихъ Москвѣ. Сначала это было только непріятностью для московскихъ государей; скоро она превратилась въ прямую опасность. Въ 1539 году хану крымскому Саипъ-Гирею удалось утвердить свое вліяніе въ Казани и даже оставить тамъ свои вооруженныя силы. При дворѣ его появился русскій бѣглець, Семень Бѣльскій, или привлеченный туда ханомъ, или самъ искавшій у него убѣжища. Послѣ этого Саипъ-Гирей отправилъ въ Москву посланіе, въ тонѣ котораго слышались какъ будто грозные раскаты былого татарскаго всемогущества. «Вотъ, я иду: ты будь готовъ; я украдкой не иду. Твою землю возьму; а ты захочешь мнѣ зло сдѣлать—въ моей землѣ не будешь». Москва обѣщала не трогать Казани; но этого было мало дерзкому хану. Онъ требовалъ ежегодной дани, что было уже возвращеніемъ къ старому позору. Съ 1539—1552 г. съ татарами шла непрерывная борьба, тревогами которой были полны дѣтство и отрочество Ивана. Впрочемъ, я позволю себѣ не обременять читателя ея подробностями. Въ Казани сторонники Сафа-Гирея, а затѣмъ его сына итемишъ-Гирея, возстали противъ московской партіи. Послѣдней, при помощи одного изъ самыхъ знаменитыхъ воиновъ того времени, князя Булата, удалось замѣнить ставленника Саипъ-Гирея сторонникомъ Ивана, Шахомъ-Али или Шигъ-Алеемъ. Но вскорѣ Саипъ-Гирей уже угрожалъ самой Москвѣ. Съ нимъ попрежнему былъ Бѣльскій; войско его было усилено турецкими подкрѣпленіями; султанъ прислалъ ему также транспортъ ружей и пушекъ... Былъ моментъ, когда въ Москвѣ уже обсуждался вопросъ, долженъ ли юный царь оставаться въ Москвѣ для ея защиты. Только вмѣшательство митрополита Іоасафа заставило восторжествовать мнѣніе наиболее мужественныхъ. Правда, при подобныхъ обстоятельствахъ даже взрослые предки Ивана старались скрыться куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Но, по мнѣнію Іоасафа, теперь Москва была уже больше, чѣмъ столицей; она являлась святымъ городомъ, митрополіей, гдѣ хранилось все, что было наиболѣе дорогого для русской земли—вѣра и святыя мощи, надежды и гордость народа.

Иванъ остался въ Москвѣ. Одно его присутствіе заставило Саипъ-Гирея отступить. Ханъ представилъ себѣ, что за этимъ царемъ-дѣтя-

тей, нежелавшимъ бѣгства, сплотивась могучая сила, способная истребить его татаръ. А вѣдь то были уже не бывые соратники Батяя; они являлись не столько воинами, сколько грабителями, охотниками до легкой поживы. Придя въ возрастъ, Иванъ сдѣлалъ еще больше. Два раза, въ 1548 и 1549 году, жертвуя своимъ личнымъ спокойствіемъ, онъ самъ водилъ походы на Казань. Однако, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ его предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ. Войско выступало слишкомъ поздней осенью; такимъ образомъ его захватила зима. Люди вязли въ снѣгу, пушки тонули въ Волгѣ. Служилые люди, въ ожесточенныхъ спорахъ изъ-за мѣстъ, забывали о своемъ долгѣ передъ родиной и государемъ. Два раза, въ слезахъ безсильнаго гнѣва, Иванъ приказывалъ рати своей отступать. Казанцы и крымцы становились все смѣлѣе; они опустошали лучшія области Московской Державы.

Впрочемъ, при второмъ походѣ все же удалось достигнуть кое-чего положительнаго. На вражеской землѣ, по близости отъ Казани русскими былъ основанъ новый городъ. То былъ Свіязскъ, стоявшій при сліяніи рѣкъ Свіаги и Волги. Скоро для сосѣднихъ горныхъ племенъ, черемисовъ, чувашей и мордвы, Свіязскъ сдѣлался естественнымъ центромъ притяженія. Съ другой стороны, казанцы увидѣли въ немъ такое пріобрѣтеніе непріятеля, съ которымъ волей-неволей приходилось считаться. Между тѣмъ, это ханство уже разлагалось. Крымскіе татары покинули Казань въ числѣ 300 человекъ, оставивъ тамъ своихъ женъ и дѣтей и предварительно подвергнувъ злополучный городъ страшному грабежу. Казанцы были недовольны Утемишемъ и выдали его Москвѣ. Но такъ же мало удовлетворялъ ихъ и Шигъ-Алей. Поэтому татары попросили царя назначить имъ намѣстника по своему выбору. Иванъ уже торжествовалъ безкровную побѣду. Въ февралѣ 1552 года къ стѣнамъ Казани подходилъ князь Семень Ивановичъ Микулинскій, назначенный туда намѣстникомъ волею московскаго государя; съ нимъ вмѣстѣ былъ Адашевъ. Но козни Шигъ-Алея, съ видимой покорностью удалившагося въ Свіязскъ, и подстрекательство посланцевъ Саипъ-Гирея внезапно направили событія въ иную сторону. Ворота Казани оказались запертыми; въ городѣ призывали къ оружію. Въ Крымъ летѣли гонцы съ просьбой о подкрѣпленіи. Словомъ то, что казалось пріятнымъ приключеніемъ, грозило превратиться въ бѣду.

Микушинскій удалился въ Свіязскъ, гдѣ и заперся со своими не-

большими силами. Ему уже казалось, что онъ окруженъ татарами и погибаетъ. Въ русскомъ войскѣ начался моръ; съ нимъ вмѣстѣ воцарился духъ неповиновенія. Къ матеріальнымъ страданіямъ присоединилась нравственная распущенность. «Бритву накладующе на браны своя... Блудъ содѣвающе съ младыми юношами», разсказываетъ лѣтописецъ... Въ Москвѣ бояре были собраны на совѣтъ. Но они могли предложить только сомнительныя средства спасенія. По ихъ предложенію изъ Благовѣщенскаго собора съ крестнымъ ходомъ были перенесены мощи въ Успенскій соборъ; съ нихъ была освящена вода и отправлена въ Свияжскъ. Вмѣстѣ съ водою къ войску было послано поученіе, составленное новымъ митрополитомъ Макаріемъ. Но Иванъ со своими ближайшими совѣтниками рѣшили предпринять нѣчто другое. Дѣло шло о престижѣ Москвы; все будущее ея политики въ юго-восточныхъ областяхъ висѣло на волоскѣ... Приходилось рѣшиться; нужно было или побѣдить теперь, или навсегда отказать отъ всякихъ надеждъ на побѣды. Можетъ быть, въ случаѣ пораженія, Москвѣ угрожало новое вѣковое иго татарщины. Саишъ осмѣлѣлъ и, конечно, не отступить. Опытъ прошлаго говорилъ, что нужно торопиться. Тогда царь передалъ царицѣ Анастасіи дѣла правленія въ свое отсутствіе; по указу его были освобождены изъ темницъ многіе заключенные; помимо того, чтобы призвать благословеніе небесное на свое предпріятіе, Иванъ совершилъ еще нѣкоторыя благочестивыя дѣла. Послѣ этого, 16-го іюня 1552, года онъ выступилъ изъ Москвы съ всѣми силами, какія были въ его распоряженіи. Теперь мнѣ предстоитъ опредѣлить, хотя бы приблизительно, размѣры этихъ силъ, ихъ составъ и качество.

II.

Войско Ивана.

Московское государство не знало феодализма. Однако, его военная организація въ то время была чисто феодальной, по крайней мѣрѣ, въ своихъ существенныхъ чертахъ. Слѣдомъ подобной организаціи во Франціи оставалось только такъ называемое народное ополченіе. Въ сущности то были всего на всего какихъ-нибудь двѣ-три тысячи человѣкъ; конечно, то были совершенные пустяки рядомъ съ постоян-